
Китайская модель геополитического успеха

Рецензия на книгу: Попов В.В. (2025) Китайская модель.

Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет.

М.: Fortis Press.

Е.В. БАЛАЦКИЙ*

***Евгений Всеволодович Балацкий** – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, evbalatsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Цитирование: Балацкий Е.В. (2025) Китайская модель геополитического успеха // Мир России. Т. 34. № 3. С. 167–185. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-167-185

Аннотация

В 2025 году вышла книга Владимира Викторовича Попова «Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет». В этой книге автор «расшифровывает» ту политику руководства Поднебесной, которая позволила стране шагнуть из третьего мира в первый. Структурирование построений автора дало возможность сформировать шестиступенчатую модель геополитического успеха Китая, что позволяет, с одной стороны, убрать покров таинственности столь удивительных достижений страны, которая еще совсем недавно была скоплением мировой нищеты, а с другой – увидеть те конкретные управленческие решения, которые способствовали осуществлению этого и могут служить в качестве образца для подражания. Вместе с тем сугубо эндогенная модель «китайского чуда», в которой страна обязана своим успехом только самой себе, представляется неполной. В связи с этим в дополнение к ней предлагается учесть внешний фактор, который включает такие элементы, как историческая память политических элит; историческое осознание элитами демографического фактора; отсутствие догматизма мышления в политических элитах; овладение элитой фактором геополитической конъюнктуры. Обсуждается вопрос о том, почему СССР и Россия не смогли реализовать китайскую модель успеха, хотя во многих случаях были первопроходцами во внедрении соответствующих принципов управления.

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования РФ на 2025 год «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве» (№ 075-15-2024-551).

Статья поступила в редакцию в июне 2025 г.

Ключевые слова: политика, модель успеха, макроэкономика, международные сравнения, эндогенные факторы, экзогенные факторы

Введение

В настоящее время происходит переформатирование мирового порядка в сторону ослабления позиций прежнего лидера – США – и усиления влияния нового лидера – Китая. Однако самым животрепещущим научным вопросом происходящей трансформации мирохозяйственной системы является понимание той модели геополитического успеха, которой следовала Поднебесная в последние десятилетия и которая позволила ей занять место нового центра силы современной цивилизации. Важной вехой на этом пути можно считать недавно вышедшую книгу Владимира Викторовича Попова [*Попов* 2025], в которой предпринята очередная попытка объяснить эффективную политику Китая.

Однако, как это всегда бывает в подобных случаях, указанная книга не может закрыть все накопленные вопросы по «выращиванию» нового геополитического гегемона. В связи с этим концепция В.В. Попова нуждается в определенной схематизации, уточнениях и дополнениях, что и составляет цель данной статьи. Методологической основой статьи являются современные теории экономического роста и геополитические концепции; новизна авторского подхода состоит в учете внешнеполитических и исторических факторов китайской модели успеха; а ключевая особенность статьи заключается в раскрытии основных элементов политики Китая на фоне неудач России при их явном внешнем сходстве.

Еще одна попытка реконструкции модели успеха Китая

Монография В.В. Попова является чрезвычайно своевременной: она вышла тогда, когда стало уже совершенно ясно, что Китай превратился в мирового лидера. При этом у его книги имеется множество предшественников и конкурентов. Достаточно вспомнить работу Эвана Озноса, в которой Поднебесная рассматривается в качестве своеобразного котла противоречий: коммунисты-прагматики, «колосс на глиняных ногах», роботоподобные студенты, «мастерская мира», ничего не боящиеся коррупционеры и диссиденты, «желтая угроза» и т. п. [*Ознос* 2015]. Однако данная книга делает акцент на периоде, когда позитивные достижения китайской модели успеха еще не проявили себя в полной мере, были во многом противоречивыми, и еще нельзя было реконструировать тот алгоритм, который через 20 лет породил новый мировой центр силы.

Более критический взгляд изнутри на китайскую модель успеха дается в книге Пола Мидлера, в которой рассматривается обратная сторона «китайского чуда»: отравленные меланином животные, разваливающиеся автомобильные покрышки, токсичные детские игрушки и т. п. [*Мидлер* 2012]. Опять-таки П. Мидлер затрагивает не самый удачный этап поднимающегося промышленного гиганта, следовательно, и никакой внятной модели успеха было реконструировать невозможно на столь скудных и противоречивых данных.

Прямо противоположная позиция обосновывается в современной работе Самира Амина, Джованни Арриги и Андре Франка, которые погружаются в прошлое Китая и доказывают радикальный для научного мейнстрима тезис о том, что капитализм возник отнюдь не в Европе, а в Азии [Амин и др. 2025]. В связи с этим, по мнению этих авторов, успех Китая выглядит как своеобразный цивилизационный реванш с его стороны, восстановление исторической справедливости и возврат к естественным истокам мироустройства. При такой трактовке истории и современности сама модель успеха Китая теряет всякую таинственность и интригу.

Более взвешенный взгляд на достоинства и недостатки китайской модели развития дают в своей книге Дженнифер Рудольф и Майкл Суньи, которые со своими коллегами по Гарварду пытаются ответить на животрепещущие вопросы дальнейшего существования Поднебесной [Рудольф, Суньи 2022], в то же время полифонизм книги не позволяет понять единство китайской модели, следовательно, ее системные плюсы и минусы.

В книге И.Ю. Зуенко делается попытка посмотреть на последний этап развития КНР – на эпоху реформ Си Цзиньпина [Зуенко 2024]. Автор делает акцент на реактивном характере политики нынешнего лидера Китая, на неизбежности состоявшейся централизации власти, усилении государственного регулирования, рождении ксенофобии и размывании традиционной «китайской модели». При такой интерпретации событий сама китайская модель успеха оказывается временной, аморфной и крайне ненадежной.

Нельзя не упомянуть и книги о китайской модели успеха, написанные самими китайцами. Среди таковых по уровню объективности и беспристрастности выделяется книга Чжан Юя, профессора Китайского народного университета [Чжан Юй 2017]. Автор рассказывает о практическом опыте политики реформ и открытости нового китайского руководства ко всем современным мировым достижениям в сфере технологий и государственного управления, что дает обильную пищу для понимания принципов эволюции китайского государства. Вместе с тем «китайское чудо» как таковое обходитесь автором стороной, в связи с чем модель этого чуда так и остается нераскрытой.

Следует упомянуть и некоторые работы, связанные с противостоянием китайской модели успеха; это прежде всего книги Эдварда Люттвака. Здесь уже мы наблюдаем и набор упреков в адрес неразумной политики Поднебесной, и конструирование геополитического альянса для противостояния новому напористому конкуренту [Люттвак 2023], и даже алгоритм ведения войн нового формата – «постгероических войн» [Люттвак 2024].

Сказанного вполне достаточно, чтобы понять следующее – книг о Китае много, а разгадка китайской модели успеха пока отсутствует. В этом смысле книга В.В. Попова закрывает обозначенный пробел – в ней четко прописаны управленческие тезисы, которые позволили привести Поднебесную к нынешнему триумфу, и именно поэтому названная книга требует внимательного прочтения и изучения. Следует добавить, что сама личность автора и проделанная им работа внушают уважение к его концепции. Здесь можно отметить три аспекта. Во-первых, В.В. Попов является одним из самых успешных российских экономистов современности – он доктор экономических наук, профессор, работал во многих иностранных научных центрах (университетах Канады и Германии, исследовательских центрах Германии, Италии, США, Финляндии, Швеции и Японии, в Департаменте ООН

по экономическим и социальным вопросам), владеет английским, французским, а сейчас уже и китайским языками, автор более 200 статей и 10 книг, опубликованных на 12 языках. В России на разных этапах он работал в самых престижных научных учреждениях (Институт США и Канады РАН, Российская экономическая школа, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Центральный экономико-математический институт РАН). Иными словами, высокая квалификация и солидный опыт автора выступают гарантом качества его научных построений.

Во-вторых, означенная книга является логичным продолжением предыдущих работ автора [Попов 2002; Попов 2014]. Тем самым для автора это уже третий подход к большой проблеме, что позволяет получить более масштабную картину реконструкции китайской модели успеха. Кроме того, автор имеет за плечами огромное число статей, в которых он скрупулезно разбирал некоторые отдельные вопросы китайской экономической политики, иногда в более масштабном цивилизационном контексте выхода страны из мальтузианской ловушки, а иногда – в более прикладном аспекте применительно к сопоставлению с СССР и Россией. В любом случае данная книга для автора – если и не дело всей жизни, то что-то близкое к этому.

В-третьих, в своих выводах В.В. Попов опирается на разные данные, что придает всем выкладкам максимальную убедительность. С одной стороны, он использует современный арсенал академической науки, с другой – основывается на собственных субъективных, но весьма обширных впечатлениях о Китае, который он посещал очень часто, включая самые разные уголки страны. Помимо этого, у автора книги много китайских друзей и коллег, которые ему раскрывали некоторые скрытые стороны жизни Поднебесной, что вносит весомый вклад в изложение материала. Наконец, В.В. Попов искренне любит китайскую культуру и восхищается ее экономической моделью, что придает оттенок благожелательности при обсуждении спорных вопросов.

Сказанного вполне достаточно, чтобы обосновать пристальный интерес к новой книге В.В. Попова.

Общий алгоритм китайской стратегии успеха

В книге В.В. Попова модель успеха Китая представлена в виде текста, но для удобства ее можно представить в виде шестиступенчатой модели (*таблица 1*). Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных этапов данной модели.

Первый этап предполагает создание сильного государства, которое в свою очередь может поддерживать сильные институты, т. е. обеспечивать установленные нормы поведения или правила игры. Для лучшего понимания этого процесса целесообразно отдельно рассматривать государственные и рыночные институты, т. е. институты, обеспечиваемые государственным регулированием и рыночным саморегулированием соответственно. Варианты возможных институциональных конструкций представлены в *таблице 2*.

Здесь логика объяснения довольно проста. Прежде чем государство начнет реализовывать ту или иную модель развития, оно должно быть способно это сде-

лать, иными словами, оно должно стать сильным. Китай со времен опиумных войн, когда он де-факто был полуколонией Запада с максимально рыночной экономикой, стремился сделать именно это – построить сильное государство. Это было окончательно сделано Мао Цзэдуном в 1949 г. путем создания народного государства коммунистического типа (диагональный переход Китая в *таблице 2*). С этого момента политические власти страны получили возможность реализовывать стратегические планы и замыслы. Именно поэтому в 1979 г. с приходом к власти Дэн Сяопина стал реальным сильный разворот государства от *чистой* институциональной модели – коммунистической и централизованной, к *смешанной* – централизованной с элементами рынка (переход Китая вниз в *таблице 2*). Если бы к этому моменту власть была слабой, то рынок «подавил» бы государство и вызвал общественный хаос. Этого удалось избежать благодаря сильным институтам, способным предотвращать нежелательный ход событий. Только полный контроль государством всех своих функций позволил постепенно «нарастить» на коммунистическое институциональное основание рыночную экономику с ее правилами и нормами поведения. Этот процесс является отправной точкой китайской модели успеха.

Таблица 1. Шестиэтапная модель геополитического успеха Китая

Стадия развития	Условное название	Содержание этапа
1 этап	Политическая и социальная стабильность	Сильная центральная власть, принципы социализма и недопущение чрезмерного неравенства
2 этап	Инвестиционная активность	Экспроприация прибыли и сверхдоходов экономических субъектов в бюджет и централизованное инвестирование
3 этап	Эффективность инвестиций	Введение рыночных отношений и стимулирование технологического прогресса
4 этап	Экономический суверенитет	Импортозамещение и протекционизм для создания собственных производств
5 этап	Международная конкурентоспособность	Экспорт-ориентированное производство
6 этап	Адаптивность политики и институтов	Приспособление государственных и рыночных институтов к текущей конъюнктуре и обстоятельствам

Таблица 2. Классификация институциональной архитектуры государства

Институты рынка (рыночное саморегулирование)	Институты государства (политическая стабильность)	
	Слабые	Сильные
Слабые	СССР (после 1985 г.) Россия (после 1991 г.) →	← СССР (до 1985 г.) Россия (после 2000 г.) ↓ КНР (до 1979 г.)
Сильные	Китай (от опиумных войн до 1949 г.) ↗	КНР (после 1979 г.)

Чтобы лучше понять значение факта сильных институтов, следует обратиться к опыту СССР и постсоветской России. Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым, также как и китайское, пришло к осознанию того, что социализм следует дополнить рыночным элементом, однако это делалось параллельно с ослаблением государства и его регулирующей способности (переход СССР влево в *таблице 2*). Более того, внедряемые рыночные институты должны были компенсировать слабость советского государства. Не удивительно, что рыночные реформы вызвали хаос и крушение самого государства. Это и было фундаментальной ошибкой советских властей. После этого преемник СССР в лице России также стартовал со слабыми государственными институтами, которые начали укрепляться только после прихода в 2000 г. к власти правительства В.В. Путина (переход России вправо в *таблице 2*). В настоящий момент можно говорить, что в России построено сильное централизованное государство, однако первой четверти XXI в. хватило только на это – построить в дополнение к этому сильную рыночную экономику пока не удалось по причинам, которые будут обсуждаться ниже. В связи с этим обратим внимание только на одну важную временную закономерность: с момента создания в Китае дееспособной политической власти (1949 г.) до начала рыночных реформ (1979 г.) прошло 30 лет; в России строительство сильного государства (2000 г.) через 14 лет было нарушено международными санкциями, а потом и открытым столкновением с Западом (2022 г.). В условиях геополитического противостояния мирная перестройка экономики, разумеется, либо откладывается, либо заметно тормозится.

Еще раз вернемся к логике В.В. Попова относительно сильных институтов. Таковые прежде всего обеспечивают монополию государства на насилие и сбор налогов, что выражается в низком уровне убийств и незначительном теневом секторе; в противном случае частный сектор узурпирует эти привилегии центральной власти. Подобный ход событий чреват бандитизмом и социальной нестабильностью, что полностью отрицает построение эффективной рыночной экономики. Именно эти явления и развернулись в России после 1991 г., чего даже и в помине не было в Китае после 1979 г.

Второй этап модели успеха Китая подразумевает крайне высокую инвестиционную активность. По имеющимся данным, норма накопления в Китае иногда достигала 50% ВВП, что по всем меркам является запредельным значением, особенно для такой крупной страны. Именно такая инвестиционная активность продуцировала высокие темпы экономического роста Поднебесной на протяжении нескольких десятилетий. Для понимания этого фактора успеха необходимо учитывать сопряжение коммунистической ориентации страны с инвестиционными возможностями. Дело в том, что на ранних этапах формирования капитализма в европейских странах происходила агрессивная дифференциация населения на совсем бедных и очень богатых, когда национальное богатство перетекало в руки немногих, у которых была крайне высокая норма накопления. Иными словами, средняя норма накопления в экономике возрастала в результате маргинализации больших слоев населения и концентрации капитала в узкой социальной прослойке, которая почти все эти деньги пускала на производственные нужды. Однако в странах поздней индустриализации с коммунистической ориентацией, где произошло обобществление собственности, этот процесс можно было заменить на экспроприацию сверхдоходов и сверхприбыли различных

организаций и людей с передачей в бюджет страны и последующим централизованным расходованием этих средств на инвестиционные нужды. При этом заработки населения можно было поддерживать на разумном уровне, а не на уровне физического выживания, как это было на заре капитализма, и тем самым не плодить массовую нищету и сохранять социальный порядок. Именно этот процесс роста нормы накопления без разорения масс и дал тот высокий динамизм экономики, который был характерен для Китая и СССР первых десятилетий; альтернативный вариант устройства экономики на базе капиталистических принципов не способствовал столь успешной консолидации инвестиционных ресурсов. Можно констатировать, что выбранный СССР и Китаем коммунистический строй был той козырной картой, которая дала возможность им сделать рывок в догоняющем развитии. Этот момент является центральным, потому что позволяет беспристрастно посмотреть на потенциал коммунистической модели социального устройства.

Третий этап предполагает внедрение рыночной экономики в коммунистическое хозяйство. Понять значение этого шага можно посредством противопоставления Китая и СССР. Дело в том, что после начала индустриализации в СССР высокие темпы экономического роста продержались около трех десятилетий, после чего начали неуклонно падать, тогда как в Китае они держались до самого последнего времени. Оказывается, это различие связано с тем обстоятельством, что по истечении срока службы основных фондов и возникновения потребности в их масштабной замене в условиях планового ведения хозяйства сделать это эффективно практически невозможно. Все предприятия получали план по валовому выпуску продукции, а любое обновление производственного парка требовало его остановки, ремонта, переналадки и замены. Это автоматически нарушало директивные планы и порождало противоречие между плановой ритмичностью производства и его эффективностью на основе внедрения технологических инноваций. Китай через 30 лет после начала масштабной индустриализации начал рыночные реформы, постепенно отказываясь от планирования объемных показателей и наделяя производителей свободой выбора технологических решений, а в СССР этого сделано не было, что и привело к потере динамизма экономики и технологическому застою. Такова версия В.В. Попова, и с ней можно полностью согласиться.

Дополнительным аргументом в пользу этой версии служит тот факт, что в советской экономической науке важнейшим разделом считалась так называемая экономика НТП. Данное научное направление было самым важным и самым болезненным, поскольку советская наука не могла найти решение проблемы стимулирования технологического прогресса в рамках старой парадигмы планирования. Таким образом, расхождение траекторий развития СССР и Китая связано с *институциональной гибкостью* китайского руководства и, наоборот, излишним *идеологическим консерватизмом* советской власти. Своевременный отказ Китая от *чистой институциональной* стратегии (либо план, либо рынок) в пользу *смешанной* (и план, и рынок одновременно) позволил сохранить стране эффективность осуществляемых производственных инвестиций. Технологическое же отставание Советского Союза от Запада из-за отложенных рыночных реформ А.Н. Косыгина запустило режим экономического истощения страны и тем самым внесло весомый вклад в ее окончательное разрушение.

Четвертый этап китайской модели подразумевает построение суверенной национальной экономики за счет активного импортозамещения и использования разумного протекционизма для поддержки внутреннего производителя. В этом пункте Китай следует сравнивать уже с постсоветской Россией, которая на начальном этапе своего существования категорически отказалась от многих наукоемких производств из-за снятия внешнеторговых барьеров и политики массовых закупок товаров за рубежом. Если Китай «выращивал» своих производителей, ограждая их в течение некоторого времени от иностранных конкурентов, то российское руководство в буквальном смысле слова пустило под нож отечественные предприятия, искусственно обанкротив их за счет наводнения внутреннего рынка дешевыми импортными товарами. В Китае же вместо закупок товаров шло создание иностранных предприятий на своей территории на основе принципа «технологии в обмен на рынок». При таком подходе китайские специалисты быстро перенимали передовой опыт западных компаний и впоследствии создавали уже свои местные предприятия. За счет такой политики Китай быстро создал свою собственную производственную базу почти во всех отраслях экономики и тем самым запустил *эффект масштаба*, когда дальнейшее расширение производства вело к росту его эффективности. В России этот процесс в крайне ограниченном виде начался только после 2014 г., а чуть более активно – с 2022 г.

Пятый этап означает системное стимулирование экспорта на фоне постепенного снятия или уменьшения внешнеторговых барьеров. Одним из инструментов такой политики явилось занижение курса юаня относительно доллара, что делало экспорт продукции крайне привлекательным бизнесом для местных компаний. Такая политика дала Поднебесной два стратегических бонуса. Первый – конкурентирование местных производителей на мировом уровне с необходимостью роста эффективности внутреннего производства; второй – расширение рынка сбыта и за счет этого получение дополнительного эффекта масштаба. Соответствие международным стандартам производства и гигантская емкость мирового рынка в конечном счете позволили китайским компаниям достичь того уровня эффективности, который сегодня дает им возможность конкурировать с США и претендовать на роль нового мирового лидера. Сравнение в этом отношении Китая с Россией говорит не в пользу последней – она осуществляет экспорт по узкому спектру продукции преимущественно добывающего сектора.

Шестой этап китайской модели успеха предполагает высокую адаптивность властей к политической конъюнктуре с подстраиванием под них политических и экономических институтов. Например, в последние годы экспортная экспансия Китая сдерживается противодействием со стороны США, что вызывает симметричные протекционистские меры Поднебесной и переориентацию ее национальной экономики на внутренний рынок. Другой пример связан с демократизацией политической жизни страны во время правления Дэнь Сяопина и расширением этой тенденции с приходом к власти Си Цзиньпина с его пожизненным правлением. Не менее разительно смотрится разворот от полного устранения Китая от международной жизни за пределами страны к самому активному участию во всех значимых событиях мировой политики. Таким образом, руководство страны старается соотносить текущие вызовы извне со своими интересами и возможностями.

Диалектика индивидуального и коллективного

Последний – шестой – шаг китайской модели успеха в *таблице 2* основан на политической традиции Китая, которая предполагает механизм «подгонки» индивидуальных ценностей под коллективные. Схематично этот процесс, нуждающийся в более детальном пояснении, отображен на *рисунке 1*. Дело в том, что В.В. Попов солидарен с китайской традицией и исходит из примата общественных интересов над личными, ибо общество может обойтись без конкретного человека, а конкретный человек без общества – не может. Несмотря на свою кажущуюся простоту, этот тезис порождает интересную логику взаимного «перелива» прав личности и общественных благ, представленную на *рисунке 1*. Этот процесс можно представить так: каждый k -й индивидуум, которых в обществе K человек, имеет свой субъективный уровень полезности любого i -го права личности (x_{ik}), которых всего I , и каждого j -го общественного блага (y_{jk}), коих всего J . Тогда верховная власть осуществляет задачу максимизации общественного благосостояния (полезности) (U):

$$U = \sum_{k=1}^K (\sum_{i=1}^I x_{ik} + \sum_{j=1}^J y_{jk}) \rightarrow \max \quad (1)$$

В формуле (1) учитываются все потенциальные права личности и общественные блага.

Алгоритм выбора между i -м правом личности и j -м общественным благом довольно прост: ущемление (отказ) уже действующего права личности происходит в случае, если проектируемое общественное благо дает больший общественный выигрыш:

$$\sum_{k=1}^K x_{ik}^* < \sum_{k=1}^K y_{jk}^*. \quad (2)$$

Таким образом, правительство иногда «включает» новое общественное благо (или сразу несколько) за счет «выключения» некоего права личности (или сразу нескольких). На *рисунке 1* права личности и общественные блага, которые «включены», обозначаются серым фоном, а те, которые «выключены», белым (пустые позиции). В основе этой логики лежит представление о том, что любое коллективное благо требует отказа от каких-то индивидуальных прав личности.

Решение задачи (1) носит принципиально динамический характер, ибо ценность тех или иных прав личности и общественных благ со временем может очень сильно меняться в зависимости от исторических обстоятельств.

Наиболее простой иллюстрацией логики (2) является режим войны и мобилизационной экономики, когда многие права личности и индивидуальные предпочтения людей «отодвигаются» на неопределенный срок, а страна работает как единое целое. Однако эта логика универсальна и столь же непреложно действует и в мирное время. Китай всего лишь демонстрирует удивительную гибкость

и точность в работе с правилом (2); и что самое главное – это качество сегодня присуще отнюдь не всем странам мира, что и дает огромные преимущества Поднебесной.

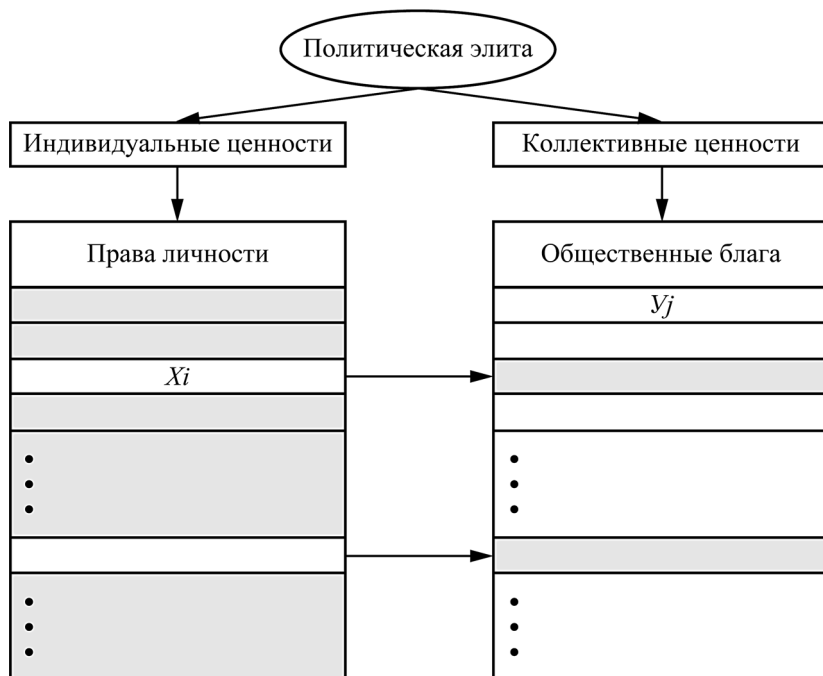


Рисунок 1. Схема «подгонки» прав личности под общественные блага

Скрытые хитрости представленной схемы состоят в том, что политическая власть страны должна быть готова к двум обстоятельствам: (1) самой оценивать текущую ценность всех прав личности и общественных благ и смело это делать за население, которое может вообще не понимать ни своей, ни общественной выгоды; и (2) столь же смело принимать решения о «нарушении» тех или иных прав личности, которые следует принести в жертву более крупным общественным задачам. Как правило, эффективная работа правительства в обозначенных условиях возможна только в государствах с сильной государственной властью и авторитарным правлением, тогда как в демократических странах это труднодостижимо. Китай со своим коммунистическим правлением пока очень успешно решает проблему сочетания индивидуального и коллективного.

Отсюда вытекает логика знаменательного события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.: политическая стабильность и социальный порядок полуторамиллиардного общества перевешивали ущерб от убийства сотни протестантов. Типичным примером отхода от этого принципа может служить августовский путч 1991 г. в СССР, когда организаторы государственного переворота отказались от жестких

действий, что, в конечном счете, и привело к распаду страны. Впоследствии аналогичная слабость была допущена президентом Украины В.Ф. Януковичем во время Евромайдана 2013 г.

Все сказанное выше о работе китайской политической элиты подводит к более точной классификации самой формы правления в Китае. Согласно Эммануэлю Тодду, *либеральная демократия*, которая последние столетия выступала в качестве образцовой модели устройства государства, распалась на две во многом противостоящих друг другу модели – *либеральную олигархию*, которая характерна для стран Запада, где элита не желает отстаивать интересы масс, и *авторитарную демократию*, которая характерна для Китая, России, Ирана и Северной Кореи, где власть и народ сохраняют органическую связь без учета мнения различных оппозиционных меньшинств [Тодд 2025]. Тем самым ответственность политической элиты перед населением и ее значительные полномочия пока действуют в пользу таких стран, как Китай. Это еще один аутентичный элемент модели развития Поднебесной.

Обобщение модели успеха Китая: внутренние и внешние факторы

Обсуждая книгу В.В. Попова, нельзя не отметить ее главной особенности, из которой проистекают как ее преимущества, так и недостатки. Речь идет о том, что автор стремится построить модель успеха Китая сугубо на макроэкономической основе. Иными словами, он объясняет феномен Поднебесной только на основе внутренних факторов ее устройства без привлечения внешних условий и обстоятельств. Говоря современным языком, автор строит *эндогенную модель* успеха, в которой нет места привходящим факторам извне, и в которой Китай – сам творец своей судьбы. Это подкупает, поскольку объяснить страновой феномен исходя из него самого является крайне амбициозной задачей, а главное – это устраняет ненужную эмоциональность при возникновении фактора везения – Фортуны.

Однако, пользуясь выражением Нассима Талеба, из макроэкономики принципиально нельзя вывести «дикий успех» страны, как нельзя объяснить «дикий успех» конкретного человека на основе его сугубо личностных качеств [Талеб 2018]. Так, для современной расширенной модели личного успеха человека используются такие понятия, как природный талант и способности индивида, его трудоспособность и трудолюбие, фактор Фортуны в форме наличия или отсутствия некоего благоприятного случайного события, начальный запас капитала (наследство) и величина личной ответственности, переложенной на других членов общества [Балацкий 2020]. Соответственно, «дикий успех» страны, а Китай как раз дает яркий пример подобного хода событий, также может быть объяснен только совокупностью внутренних и внешних факторов. Для учета внешних *уникальных* событий и обстоятельств был сформулирован *принцип одного шанса*: если некие благоприятные условия не были использованы вовремя, то больше шанса не будет [Балацкий 2024]. Принцип одного шанса содержит в себе Эволюцию (исторические обстоятельства), Фатум (судьбу) и Фортуну (удачу) одновременно. Именно этот фактор В.В. Попов игнорирует в своем анализе, а он во многом является определяющим.

Здесь следует остановиться и обратить внимание на то, что успех Запада (Европы) был во многом связан с внешним фактором – возникновением феномена сверхприбыли [Балацкий 2021; Балацкий, Екимова 2020] и созданием колониальной системы, которую европейцы заставили работать на себя. Без этого никакого подъема Европы вовсе не состоялось бы. Аналогичным образом и успех Китая связан с той геополитической конфигурацией мирохозяйственной системы второй половины XX и первой четверти XXI вв., когда все обстоятельства работали на Поднебесную. Именно этот аспект проблемы должен быть добавлен к той эндогенной модели успеха Китая, которая предложена в книге В.В. Попова.

Историческая память и геополитические маневры Китая

Чтобы лучше понять внешние факторы модели успеха Китая, их следует структурировать по отдельным группам. Не претендуя на исчерпывающий характер таких, рассмотрим подробнее лишь некоторые из них.

1. Историческая память политических элит. Главный тезис, который будет проиллюстрирован ниже, состоит в следующем: успех страны в определяющей степени обусловлен эффективностью системы государственного управления, а последняя зависит от интеллектуальных качеств политических элит. В данном случае историческая память элит и их адекватность текущим обстоятельствам имеют самостоятельное значение. В связи с этим напомним знаковое событие из истории Китая, когда в 1792 г. китайский император Цяньлун написал британскому королю Георгу III нелепый ответ, в котором, во-первых, отказывался вести торговлю с англичанами по причине невозможности найти достойного применения присланных игрушек (товаров) из Европы, а во-вторых, призывал иностранного монарха и в будущем проявлять максимальное почтение и покорность правителю Срединной империи [Попов 2025, с. 9]. Меньше чем через полвека с этого момента в Китай пришли европейские колонисты с большими пушками и начались опиумные войны, превратившие Поднебесную в презираемую всеми полуколонию. Это поворотное событие в истории Китая, которое до сих пор поддерживает реваншистские устремления нации. Как следует трактовать данное явление?

Если отбросить всяческие сантименты, то дело обстоит следующим образом. Китайский император Цяньлун продемонстрировал британцам свой политический аутизм – он не понимал, кто к нему приехал, не знал окружающего мира и происходящих в нем изменений, не видел места своей страны в мировой системе и находился в плену собственного раздутого самомнения. Результат не замедлил сказаться – через полвека китайская армия Даогуана была позорно разбита горсткой европейских солдат, его правительству был навязан убийственный политический режим свободной торговли, а население страны и его ближайшие чиновники впали в хроническое опиумное оцепенение. Почти 200 лет длился этот геополитический позор Китая – вплоть до образования в 1949 г. КНР. До сих пор эта историческая травма китайской политической элитой не забыта, что выразилось в проведенной ею колоссальной работе над ошибками. Это проявляется в том, что с начала XX в. Китай максимально открылся миру и перенимает все хорошее, что создается в других уголках планеты [Чжан Юй 2017]. С этого же времени китайские лидеры

начали очень умело изучать и использовать геополитическую ситуацию в своих целях. Таким образом, «историческая боль» опиумных войн позволила пройти историческую развилку – отойти от геополитического аутизма времен Цяньлуна и перейти к режиму повышенной геополитической бдительности и инновационной чувствительности.

Если в XVIII в. китайский император пренебрег европейскими товарами и знаниями, то в XX в. китайская элита осуществила три великих заимствования у Запада: коммунистический строй государства (плюс принцип демократического централизма); рыночные институты наряду с институциональной коммунистической основой; производственные и военные технологии. Можно смело утверждать, что без этих западных инноваций сегодняшний Китай не состоялся бы. После создания коммунистической партии и КНР страна обрела небывалую до этого целостность; за счет введения рыночных институтов ее экономика стала по-настоящему гибкой и маневренной; а благодаря технологическим заимствованиям у нее появилось ее нынешнее могущество. Так Китай переработал свои фантомные боли эпохи опиумных войн.

Заметим, что СССР в отличие от Китая не смог правильно позаимствовать рыночные институты, и этого хватило, чтобы страна сначала потеряла динамизм развития, а затем и вовсе распалась, иными словами, способность к заимствованию у Китая во второй половине XX в. оказалась гораздо выше, чем у Советского Союза.

2. Историческое осознание элитами демографического фактора. Невозможно представить себе Китай в виде западной демократии, ибо его глубинная сущность – это коммунистическая начинка общественной жизни. Однако это принципиально разнится с опытом СССР, который благодаря коммунистическому строю сначала воссоздал исходную империю, а потом из-за него же и разрушился. Почему же Китай избежал такого хода событий?

На самом деле здесь мы сталкиваемся с неким неустранимым изначальным фактом – гигантским населением Поднебесной. Это тот Фатум, без которого трудно что-то понять. Дело в том, что по сравнению с Россией Китай имеет почти в 2 раза меньшую территорию и почти в 10 раз большее население. Это примерно в 20 раз большая плотность населения, которая составляет сущность Срединной империи и для россиян трудно осознаваема. Фактически все китайцы, включая ее политическую элиту, живут в своеобразном человеинике, когда везде и всюду клубятся толпы людей. Это предопределяет образ мышления политической элиты, которая не может абстрагироваться от человеческой массы и ее интересов. Кроме того, история Китая наполнена примерами того, к чему приводит игнорирование интересов масс. Одним из таких примеров является тайпинское восстание, которое длилось в течение 1847–1864 гг. под предводительством Хун Сюцюаня и было спровоцировано, с одной стороны, отчаянием и озлоблением масс из-за охватившего страну голода, с другой – недовольством контрэлит, которые не могли занять достойного положения в своем государстве из-за монополии класса администраторов-бюрократов. Революционная активность первых и организационное начало вторых породили гражданские войны и привели к свержению правящего класса. При этом над этими процессами нависал эффект масштаба: к 1853 г. войско тайпинов насчитывало полмиллиона человек [Турчин 2024, с. 46], и в конечном счете пролитые реки крови и огромные человеческие жертвы стали причиной того, что в 1912 г. правление династии Цин закончилось. А главное, тайпинское восстание

совпало с опиумными войнами и крушением полноценной государственности Китая. Нынешняя китайская элита помнит об этих событиях и выстраивает свою политику на базе неопременного соблюдения двух принципов – учета интересов масс и соблюдения принципа меритократии. Коммунистический строй очень хорошо лег на демографическую специфику Китая и не позволил властям игнорировать интересы народа, поскольку КПК систематически держит в поле зрения данный аспект жизни государства.

Что-то подобное было и в России, например, во время гражданской войны 1918 г., однако у нас в стране политическая элита в силу огромной территории не жила вместе с массами, старалась отделиться от них, могла не замечать проблем населения. В конце концов, можно было переместиться по стране или вообще эмигрировать – для небольших слоев российской элиты это было и остается возможным. В Китае в случае возникновения гражданских войн драматизм ситуации, грубо говоря, будет в 20 раз выше, чем в России. Не сложно видеть, что нечто подобное имеет место и в густонаселенном Вьетнаме, сохранившем в политическом правлении коммунистическое начало.

Из вышесказанного можно сделать далеко идущий вывод о будущем строе Китая – он не изменится и останется коммунистическим. В противном случае страна, а с ней и политическая элита, рискуют быть уничтоженными в океане междоусобицы. И наоборот, России с ее низкой плотностью населения вряд ли удастся снова в обозримом будущем привнести в мышление политических элит коммунистические идеи, а следовательно, на российской почве нельзя повторить китайский опыт по объективным обстоятельствам.

3. *Отсутствие догматизма мышления в политических элитах.* История Китая постепенно привела к отказу политических элит страны от какого бы то ни было догматизма. Сегодня мышление властей Поднебесной является весьма гибким и неформализованным. Руководители страны избегают примитивных схем и алгоритмов, глубоко вникают в происходящие процессы, не следуют примитивным ментальным шаблонам, навязанным извне. Можно даже утверждать, что китайский правящий класс в высокой степени овладел диалектической логикой, чего катастрофически не хватает современному Западу и отчасти России. Именно это качество дало возможность Китаю соединить *коллективизм* через коммунистическое правление с *индивидуализмом* через рыночную экономику. Дозволить сосуществование двух, казалось бы, несовместимых явлений – это и есть истинное отсутствие политического догматизма.

Здесь важно заметить, что это качество не является константой. Например, СССР в начале XX в. действовал так же, как и Китай в конце столетия – заимствовал иностранные технологии, привлекал Запад к технологическому перевооружению страны во время Великой депрессии, когда западные страны вынужденно шли на сотрудничество; Советский Союз практиковал внедрение рыночных принципов и в рамках НЭП. Однако уже в 1960-е гг. советское руководство утратило гибкость мышления и застыло в рамках бинарного мышления – или рынок, или план. Китайская элита преодолела этот изъян в какой-то мере под влиянием отрицательного примера СССР. И здесь снова проявляются Фортуна и Фатум – Советскому Союзу учиться на чужих ошибках было не у кого.

Сегодняшняя Россия также во многом следует бинарной логике – в стране построен капитализм, а коммунистические начала категорически отвергнуты.

Ситуация в некоторой степени сглаживается централизованной формой правления с социальной ориентацией, однако это не решает системных ограничений исходной рыночной установки. В определенном смысле США сегодня проигрывают глобальную конкуренцию Китаю из-за того же самого догматизма мышления своих элит – они остаются в рамках рафинированной капиталистической модели общества, не желая переходить к системному построению социального государства. Лишая социальную систему еще одного измерения, правящий класс ограничивает диапазон собственных управленческих решений и дрейфует в сторону цивилизационного упадка. И опять-таки напомним, что после Второй мировой войны США проводили политику смягчения неравенства по линии «бедный/богатый», т. е. гибкость мышления элит в любой стране со временем может исчезать.

4. *Овладение элитой фактором геополитической конъюнктуры.* Здесь хотелось бы отметить некоторый недостаток книги В.В. Попова – завроженность грандиозными достижениями Китая и, как следствие, попытка приписать эти достижения исключительно внутренним качествам страны и народа. Однако нельзя упускать из виду Фортуна Китая. Например, СССР до Второй мировой войны уверенно догонял Запад, однако война спутала карты: колоссальные потери населения, материальные разрушения и последующая холодная война не позволили стране продолжить нормальное развитие. Китай же с 1949 г., когда возникла КНР, догонял Запад на протяжении более 75 лет; СССР со всеми своими перипетиями столько просто не просуществовал, и это различие следует приписать исключительно Фортуне. Более того, сама Фортуна Китая есть следствие геополитической конкуренции (Эволюции). Поясним сказанное.

Сначала Китай становится коммунистической державой и коммунистическим побратимом СССР. Пользуясь дружбой с Советским Союзом Поднебесная укрепляет свой политический суверенитет и даже создает в 1964 г. собственную атомную бомбу. Если бы не патронаж СССР, то ему бы могли просто не дать сделать этого, как сегодня мешают в этом начинании Ирану, отстреливая его физиков-ядерщиков и подвергая бомбардировкам его секретные объекты по производству обогащенного урана.

После этого Китай отходит от СССР, вступает с ним в официальный конфликт (советско-китайский пограничный конфликт 1969 г. на о. Даманском) и заключает стратегическое сотрудничество с США. С этого момента Америка начинает использовать КНР против СССР, оказывая экономическую и технологическую помощь Поднебесной. И здесь не следует скрывать тот факт, что сильные государственные и рыночные институты сами по себе не дают технологий для экономического роста. Китай в этот период бесплатно копировал и внедрял западные технологии, многие из которых добровольно передавались ему западными компаниями, а на нарушения патентного права американцы откровенно смотрели сквозь пальцы, ибо их стратегические интересы требовали усиления географического соседа их главного геополитического соперника. Сюда же можно добавить создание Штатами для КНР режима максимального благоприятствования и открытие ими своего внутреннего рынка для китайских товаров. Итогом такого сотрудничества стало крушение СССР. Тем самым Китай во многом поднялся на обломках и за счет своего коммунистического собрата, от которого он вовремя отвернулся. Однако было бы от кого отворачиваться и к кому примыкать! Советскому Союзу и нынешней России, например, не от кого было отказываться или, образно говоря, некого предавать и не с кем консолидироваться.

Сегодня, когда интересы США и Китая пришли в явное противоречие, Фортуна опять улыбается Поднебесной. Конфликт на Украине спровоцировал альянс Китая и России, что имеет огромное значение даже не столько для нынешней России, сколько для будущего Китая, с которым США постепенно начинают разворачивать масштабное противостояние. Без дружественной России в своем тылу Китай был бы почти наверняка обречен на поражение со столь могущественным и непримиримым врагом, как США. Кроме того, сама фаза противостояния двух гигантов пришлась на период цивилизационного упадка Америки, что опять-таки дает Поднебесной невероятный исторический бонус, при этом умение использовать политическую конъюнктуру и благоприятные обстоятельства предоставляет Китаю возможность поддерживать свою модель геополитического успеха.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее. Книга В.В. Попова дает российскому руководству прекрасную основу для выстраивания долгосрочной стратегии развития страны. Раскрытые автором элементы успеха китайской модели позволяют России воспользоваться опытом Поднебесной в своих интересах. Похоже, пришло время для того, чтобы Россия начала заимствовать исторические достижения своего восточного соседа.

Что касается будущего самого Китая, то оно подчиняется общим циклическим закономерностям, присущим в том числе и западным странам. Рядовые китайцы воруют, берут взятки, ленятся и проявляют глупость, равно как и представители всех остальных народов мира. Китайский бизнес столь же беспощаден и жаден, как и американский. По мере усиления своих позиций Китай, судя по всему, будет насаждать свои военные базы в разных географических точках мира, как это делали до недавнего времени США. Представления о какой-то цивилизационной уникальности Китая являются очередной иллюзией. Мудрость государственного управления Поднебесной может продлить ее нарождающуюся гегемонию, но даже она не способна сделать ее вечной или слишком долгой, но это уже за пределами наших прогностических возможностей и основной темы статьи.

Список источников

- Амин С., Арриги Дж., Франк А. (2025) Азиатский прорыв. Все уже сделано в Китае. М.: Эксмо.
- Балацкий Е.В. (2020) Учение о неэргодичности социального мира // «Мир России». Т. 29. № 1. С. 174–193. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193
- Балацкий Е.В. (2021) Рентабельность капитала как драйвер экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.3
- Балацкий Е.В. (2024) Этапы глобализации в истории цивилизаций // Мир России. Т. 33. № 3. С. 170–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-170-188

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020) «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста // Journal of New Economy. Т. 21. № 3. С. 5–27. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-1
- Зуенко И.Ю. (2024) Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ.
- Люттвак Э.Н. (2023) Китай и логика стратегии. М.: АСТ.
- Люттвак Э.Н. (2024) Стратегия: Логика войны и мира. М.: АСТ.
- Мидлер П. (2012) Плохо сделано в Китае. М.: Цивилизации.
- Ознос Э. (2015) Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. М.: Corpus.
- Попов В.В. (2002) Три капельки воды: заметки не Китаиста о Китае. М.: Дело.
- Попов В.В. (2025) Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. М.: Fortis Press.
- Рудольф Дж., Сунь М. (2022) Китайское чудо. Критический взгляд на восходящую державу. М.: АСТ.
- Талб Н.Н. (2018) Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Тодд Э. (2025) Поражение Запада. М.: АСТ.
- Турчин П.В. (2024) Конец времен. М.: АСТ.
- Чжан Юй (2017) Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость. М.: Шанс.
- Popov V. (2014) Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West, Oxford University Press.

The Chinese Model of Geopolitical Success

Book review: Popov V.V. (2025) The Chinese Model. Why China Used to Lag behind the West, but Is Now Overtaking It, Moscow: Fortis Press (in Russian).

E.V. BALATSKY*

***Evgeny V. Balatsky** – DSc in Economics, Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; evbalatsky@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Citation: Balatsky E.V. (2025) The Chinese Model of Geopolitical Success. *Mir Rossii*, vol. 34, no 3, pp. 167–185 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-167-185

Abstract

In 2025, Vladimir Popov published the book “The Chinese Model: Why China Once Lagged behind the West and Is Now Surpassing It”. The author deciphers the policies of the Chinese leadership that enabled the country to leap from the Third World into the First. The structured approach of the author gives a six-stage model of China’s geopolitical success, which removes the veil of mystery from the country’s astonishing achievements—a country that not long ago

The article was prepared as part of the project of the Russian Ministry of Science and Higher Education of for 2025 “Global and regional centers of power in the emerging world order” (No. 075-15-2024-551).

The article was received in June 2025.

was a cluster of global poverty—and reveals the specific management decisions which made this success possible and may serve as a model for emulation. The six stages of China's success model are:

- 1) Political and social stability (strong central authority, socialist principles, and the prevention of excessive inequality);
- 2) Investment activity (the expropriation of profits and windfall revenues into the budget and centralized investment);
- 3) Investment efficiency (the introduction of market relations and the stimulation of technological progress);
- 4) Economic sovereignty (import substitution and protectionism to build domestic industries);
- 5) International competitiveness (export-oriented production);
- 6) The adaptability of policies and institutions (the adjustment of state and market institutions to current circumstances and conditions).

The final step of the Chinese success model is based on China's political tradition, which aligns individual values with collective ones. To illustrate this process, the article proposes a simple formal model of the dialectic between the individual and the collective, where a transfer between individual rights and public good is possible. In such a model, the government sometimes switches on a new public good (or several at once) by switching off certain individual rights (or several at once). However, such a purely endogenous model of the Chinese miracle, where the country owes its success solely to itself, appears incomplete. Therefore, it is supplemented by the consideration of external factors, including the historical memory of the political elites; the elites' historical awareness of the demographic factor; the absence of dogmatic thinking among the elites; and the elites' mastery of geopolitical conditions.

The article also discusses why the USSR and Russia failed to realize the Chinese model of success, even though they were, in many cases, pioneers in implementing similar governance principles.

Keywords: politics, success model, macroeconomics, international comparisons, endogenous factors, exogenous factors

References

- Amin S., Arrigi J., Frank A. (2025) *The Asian Breakthrough. Everything Has Already Been Done in China*, Moscow: Eksmo (in Russian).
- Balatsky E. (2020) The Non-Ergodicity of the Social World: a Modern Doctrine. *Mir Rossii*, vol. 29, no 1, pp. 174–193 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193
- Balatsky E.V. (2021) Return on Equity as an Economic Growth Driver. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no 1, pp. 26–40 (in Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.3
- Balatsky E.V. (2024) Globalization Stages in the History of Civilizations. *Mir Rossii*, vol. 33, no 3, pp. 170–188 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-170-188
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020) Driving the Economy: The Role of a Special Economic Sector. *Journal of New Economy*, vol. 21, no 3, pp. 5–27 (in Russian). DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-1
- Lutvak E.N. (2023) *China and the Logic of Strategy*, Moscow: AST (in Russian).
- Lutvak E.N. (2024) *Strategy: The Logic of War and Peace*, Moscow: AST (in Russian).
- Midler P. (2012) *Poorly Made in China*, Moscow: Civilizations (in Russian).

- Oznos E. (2015) *The Age of Ambition: Wealth, Truth and Faith in the New China*, Moscow: Corpus (in Russian).
- Popov V.V. (2002) *Three Drops of Water: Notes by a non-Chinese Scholar about China*, Moscow: Delo (in Russian).
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*, Oxford University Press.
- Popov V.V. (2025) *The Chinese Model. Why China Used to Lag behind the West, but Is Now Overtaking It*, Moscow: Fortis Press (in Russian).
- Rudolf J., Sunyi M. (2022) *The Chinese Miracle. A Critical Look at the Rising Power*, Moscow: AST (in Russian).
- Taleb N.N. (2018) *Risking One's Own Skin: The Hidden Asymmetry of Everyday Life*, Moscow: KoLibri, ABC-Atticus (in Russian).
- Todd E. (2025) *Defeat of the West*, Moscow: AST (in Russian).
- Turchin P.V. (2024) *End Times*, Moscow: AST (in Russian).
- Zhang Yu. (2017) *The Experience of Chinese Economic Reforms and Their Theoretical Significance*, Moscow: Chance International Publishing Company, LLC (in Russian).
- Zuenko I.Y. (2024) *China in the Era of Xi Jinping*, Moscow: AST (in Russian).